

1 Судьбы гуманистической традиции в классической и современной культуре

Литературоведение и фольклористика

УДК 821-3(091)

А. Ф. Берзко

Исповедальная проза в литературе: историографический аспект

В статье рассматривается проблема определения статуса исповедальной прозы в европейской литературе. В результате проведенного анализа научной традиции, сложившейся в этой области, выявлено три основных направления в изучении природы исповедальной прозы. Кроме того, в данной работе предлагается авторская трактовка природы исповедальной прозы как особой жанровой модификации документально / мемуарно-(авто)биографической литературы.

В основе искусства как творческой деятельности человека, как правило, лежит обращение авторов к внехудожественной реальности, которая, обуславливая его тематику, может преломляться в произведениях в виде фиксации онтологических и антропологических универсалий, образов культурно-исторической реальности. Кроме того, важной составляющей мира художника является запечатление в нем индивидуального (духовного и биографического) опыта художника слова. В этом случае творчество принимает вид самопознания человека, подвергающего осмыслению свой жизненный путь. Экзистенциальная (от лат. *existentia* – `существование`) тематика, по наблюдению В. Хализева, актуализировавшаяся «на протяжении двух последних столетий» и свидетельствующая «об активности и зрелости личностного начала в составе культуры как таковой» [1, с. 50], является неотъемлемым звеном литературы как одного из видов искусства, органично соответствуя ее антропологической сущности. Литературный текст как поиск ответов на основополагающие вопросы человеческого бытия в конечном итоге предполагает разговор с читателем о нем самом.

Воплощение духовно-биографического опыта автора в произведениях искусства в большинстве случаев имеет ярко выраженный исповедальный характер. Подтверждая эту общепризнанную в научной среде мысль, А. Блок писал: «Я думаю, мы более уже не вправе сомневаться в том, что великие произведения искусства выбираются историей лишь из числа произведений «исповеднического» характера. Только то, что было исповедью писателя, только то создание, в котором он сжег себя дотла, – для того ли, чтобы родиться для новых созданий, или для того, чтобы умереть, – только оно может стать великим» [2, с. 278]. Подобная оценка одного из крупнейших представителей русского символизма удивительно точно передает значение исповедального слова в истории европейской литературы. Исповедальные нотки звучат во многих художественных произведениях, далеко не всегда принимая при этом целостный, законченный вид, обнаруживая себя в виде особой авторской интонации, специфических структурно-содержательных элементов. Это позволяет говорить о многовариантной реализации исповедального начала в искусстве слова. Обладая потенциальной способностью воплощаться в любом литературном произведении, своего максимального выражения исповедальность достигает в комплексе документально / мемуарно-(авто)биографической литературы, в центре внимания которой оказывается личность и судьба автора.

Одной из характерных тенденций современной литературной ситуации стала заметная активизация документально / мемуарно-(авто)биографической прозы, представленной широким жанровым диапазоном. Мемуары, записки, дневники, автобиографии и т. д. стали едва ли не самыми популярными формами вербального искусства. «Шматлікасць «нованароджаных»

письменніцкіх мемуараў і дзённікаў, лірычных мініяцюр і запісаў, эпістальярных публікацыяў і нататкаў, – по мнению В. Стрельцовой, – дае падставы гаварыць пра ўзнікненне новай тэндэнцыі ў развіцці айчыннай літаратуры» [3, с. 6]. Аналогічныя працэсы назідаюцца і ў другіх нацыянальных літаратурах. Так, напрыклад, характэрныя французскую літаратуру на сучасным этапе, Б. Дубін адзначае: «Про нынешний читательский бум и рыночный успех автобиографического жанра – в стране, устами Ролана Барта объявившей не так давно о «смерти автора», – нечего и говорить. Если еще позавчера приходилось с жаром доказывать, что автобиография принадлежит к литературе, то сегодня автобиография, кажется, грозит литературу поглотить» [4, с. 108].

Особое место в пространстве документально / мемуарно-(авто)биографической литературы занимает исповедальная проза. В ее состав мы включаем любые художественные формы литературы заявленной направленности, в которых происходит предельное самораскрытие автора, приобретающее исповедальный характер. В таком случае можно говорить о формировании особой жанровой модификации в составе документально / мемуарно-(авто)биографической прозы – исповеди. Ее основой выступает иной литературный жанр, чаще всего автобиография, дневник или мемуары, в котором наблюдается высокая степень проявленности исповедального начала.

В последние годы исповедь заняла прочное, приоритетное место как в мировом, так и белорусском культурном пространстве, что позволило Л. Рублевской отметить: «Сегодня можно говорить о нашествии литературы нон-фикшн и по отношению к Беларуси. Дневниковые записки классиков и не совсем классиков, живых и усопших, предлагаются белорусскому читателю в последнее время так часто и так настойчиво, что возникает подозрение о существовании какой-то общей истерической потребности в публичной исповеди» [5, с. 243–244]. В творчестве практически каждого значительного представителя вербального искусства исповедь представлена или в чистом виде, или (что наблюдается гораздо чаще) в сочетании с другими художественными формами. Исповедь, таким образом, становится отличительным явлением литературы на рубеже тысячелетий.

Более того, исповедальный принцип мышления, актуализировавшийся в современном искусстве слова, оказывает существенное влияние и на живопись, музыку, кино. Отмечая экспансивный характер исповеди, М. Уваров предлагает рассматривать ее как общекультурный феномен: «Постепенно идея исповеди приобретает универсальный характер, воспринимается в качестве подлинного архетипа европейского мыслительного дискурса» [6, с. 9].

Активное обращение художников слова к исповеди, безусловно, не осталось без внимания критиков и литературоведов. В последнее время наблюдается заметное оживление интереса к изучению данного литературного явления. Исповедь становится предметом обсуждения научных конференций («Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова», Санкт-Петербург, 1997 г.), диссертационных исследований (И. Ладушин, С. Патрикеев), монографий и научных статей (М. Уваров, Н. Кочеткова, В. Рабинович и др.). Усилиями отечественных и зарубежных ученых в литературоведении к настоящему времени накоплено достаточное количество историко-литературных наблюдений. Работ же, в которых исповедь рассматривается в теоретическом отношении, крайне мало. Вопросы о том, в чем заключается специфика исповедальной прозы как литературного явления, какими содержательно-художественными особенностями она обладает, и поныне остаются открытыми. В центре внимания как отечественных, так и зарубежных литературоведов в большинстве случаев оказывается конкретный микротекст, который анализируется обособленно, изолированно, вне рассмотрения исповедальной прозы как целостной художественной системы. «Возникает впечатление, что историки литературы, обращаясь к той или иной художественной автобиографии, каждый раз заново создают теорию мемуарно-автобиографической прозы, учитывая при этом особенности интерпретируемого текста» [7, с. 5], – справедливо сетует в этой связи Л. Бронская.

Исследовательскую литературу по проблемам изучения исповедальной прозы в целом можно условно разделить на три группы.

Во-первых, как уже отмечалось ранее, самую многочисленную группу составляют научные работы, в которых анализируются конкретные исповедальные тексты (Н. Григорьева, Л. Баткин, А. Криницын, Е. Никитин и др.).

Во-вторых, выделяются исследования, которые носят универсальный характер, содержат сведения, касающиеся проблем документально / мемуарно-(авто)биографической прозы в целом.

Термин «исповедальная проза» традиционно употребляется в одном ряду синонимических понятий, недостаточно изученных в литературоведении: «документальная литература», «литература факта», «автобиографическая проза», «автодокументальная проза», «литература нон-фикшн». Проблема разграничения данных терминов относится к числу наиболее дискуссионных научных тем, не решенных и в настоящее время. В немногочисленных словарных и энциклопедических статьях, раскрывающих суть названных явлений, обращает на себя внимание крайне расширительное толкование этих терминов с акцентом на общую для всех дифференциальную черту – воссоздание действительности без участия вымысла.

Таким образом, одной из важнейших причин недостаточной теоретической разработанности исповеди как жанровой модификации, свойственной как отечественному, так и зарубежному литературоведению, является отсутствие единых взглядов на природу документально / мемуарно-(авто)биографической прозы. Как отмечает В. Стрельцова, «на жаль, у айчынным літаратуразнаўстве статус аўтабіяграфічнай прозы доўгі час не меў адзнакі самастойнасці і жанравай поўнакаштоўнасці. Нярэдка яе атаясамлівалі з дакументальнай літаратурай, прымаючы пад увагу толькі фактаграфічную аснову» [3, с. 12–13]. Изучение документально / мемуарно-(авто)биографических жанров в отечественном литературоведении долгое время находилось на периферии исследовательского интереса, что объясняется условиями литературного процесса советского времени. В сложившейся жанровой системе социалистического реализма не было места автобиографической прозе, передающей растерянность рефлектирующего героя, подверженного внутренним сомнениям, переживаниям. Психологизм как вредное явление для советской литературы был яростно отвергнут идеологами социалистического реализма. Как писал А. Луначарский, героя этой литературы должна была отличать готовность «зачеркнуть себя ради победы передового класса человеческого рода» [8, с. 130]. С появлением в 20-х годах 20 столетия термина «документальная литература», куда включались все прозаические произведения, в которых художественная реальность создается без участия вымысла на основе реальных фактов, проблемы теории мемуарно-автобиографической прозы затрагивались преимущественно в рамках данной области литературоведения. Высказанная Л. Гинзбург точка зрения, согласно которой мемуары, биографии, исповеди, послания образуют переходные, «промежуточные» жанровые формы между художественной прозой и «бытовыми» документами, на долгие годы возобладали в отечественной науке о литературе.

Общая неблагоприятная обстановка, не способствующая изучению документально / мемуарно-(авто)биографической прозы в отечественном литературоведении, по отношению к исповеди усугублялась идеологией антицерковного характера, господствовавшей в СССР на протяжении многих десятилетий. Результатом этого стало существование в науке о литературе негласного запрета на исследование религиозно-философской проблематики. До начала 90-х годов 20 века термин «исповедь», как правило, теоретики литературы не употребляли, используя в редких случаях как метафору.

В рамках изучения документальной литературы различные аспекты поэтики мемуарно-автобиографической прозы затрагивали исследователи П. Палиевский, Л. Гинзбург, Л. Гаранин, А. Тартаковский, Я. Явчуновский, А. Матруненок, А. Мальдис и др. В постсоветское время при рассмотрении уже собственно мемуарно-автобиографической прозы как самостоятельного литературного явления значительных успехов достигли В. Стрельцова, Н. Николина, Л. Савина и др.

Изучение документально / мемуарно-(авто)биографической прозы в зарубежном литературоведении ведется с начала 20 века, когда в Германии вышел в свет фундаментальный трехтомный научный труд Георга Миша «История автобиографии» («Geschichte der Autobiographie», 1907 г.), ставший впоследствии методологической основой в исследовании данного литературного явления. Рассматривая автобиографическую прозу как явление многожанровое, прослеживая эволюцию автобиографии от античности до Нового времени, выделяя

сущностные черты автобиографического повествования, Г. Миш определяет исповедь как один из жанров возможного воплощения последней: «Какая-либо форма ей едва ли чужда. Молитва, внутренний монолог, отчет (репортаж), притворные судебные речи или риторические декламации, научные или художественные описания, характеристика, лирическое откровение и исповедь, письмо и литературный портрет, семейная хроника и придворные мемуары, исторический рассказ, основанный на подлинном материале, прагматический, развивающийся исторически последовательно или беллетризованный роман или биография во всех их мыслимых разновидностях, эпос и собственно драма – во всех этих формах автобиография заявляла о себе» [9, с. 6–7]. Специфика художественного воплощения автобиографического жанра в исповедальной форме осталась в «Истории автобиографии» без внимания немецкого исследователя.

Из других основополагающих работ по изучению теории документально / мемуарно-(авто)биографической литературы на Западе следует назвать статью Ж. Гюсдорфа «Условия и границы автобиографии», а также книги Ф. Лежена («Автобиография во Франции» (1971), «В защиту автобиографии» (1998), «Дорогой экран» (2000) и др.), придавшие французскому исследователю статус крупнейшего в настоящее время специалиста в данной области. Не выделяя исповедь в качестве самостоятельной литературной единицы, определяя один из крупнейших образцов исповедальной прозы – «Исповедь» Ж. – Ж. Руссо – как автобиографию, Ф. Лежен в своих исследованиях анализирует вопросы истории и поэтики данного литературного жанра. На основании этих работ в западном литературоведении сформировалась общепринятая точка зрения на природу документально / мемуарно-(авто)биографической прозы, не предполагающая выделения исповеди в качестве самостоятельной литературоведческой единицы.

Третью, немногочисленную группу научных работ, посвященных изучению исповедальной прозы, составляют источники, в которых исповедь рассматривается как самостоятельное литературное явление.

К числу важнейших теоретических исследований исповеди в советском литературоведении относятся работы М. Бахтина. Исповедь находилась в поле повышенного внимания на протяжении всей литературоведческой деятельности М. Бахтина, но так и не стала объектом пристального рассмотрения. Занимаясь решением конкретных проблем искусства слова, что видно из самих названий работ («Автор и герой в эстетической деятельности»), «Формы времени и хронотопа в романе», «Проблемы поэтики Ф. М. Достоевского» и др.), русский ученый высказал ряд ключевых положений, касающихся поэтики исповеди. Так, уже в одной из своих начальных работ 1920-х годов «Автор и герой в эстетической деятельности» М. Бахтин выделяет ее в качестве самостоятельной жанровой единицы, которая в огласовке исследователя звучит как «самоотчет-исповедь», дает ей определение («попытка зафиксировать себя самого в покаянных тонах в свете нравственного долженствования» [10, с. 202]), характеризует отдельные особенности поэтики данной художественной формы, намечает пути разграничения исповеди и автобиографии. В трудах М. Бахтина последующих лет разработка вопросов, касающихся исповеди, не получила дальнейшего развития. В центре внимания исследователя находился роман, который провозглашался как «единственный становящийся жанр среди давно готовых и частично уже мертвых жанров» [11, с. 448]. Исповедь М. Бахтин относил к числу вводных жанров, которые, проникая в состав романа или «сохраняют в нем свою конструктивную упругость и самостоятельность и свое языковое и стилистическое своеобразие», или «прямо определяют собою конструкцию романного целого», создавая особую жанровую разновидность романа – «роман-исповедь» [12, с. 134].

Серьезного внимания заслуживает монография современного российского исследователя М. Уварова «Архитектоника исповедального слова», в которой исповедь рассматривается как «уникальная форма человеческого самовыражения» [6, с. 9], представленная в живописи, архитектуре, музыке, литературе, философии. Прослеживая религиозные истоки данного феномена, М. Уваров особый акцент делает на исследовании русского исповедального типа культуры, выделяя внутри его следующие типы исповедующегося сознания: «тип мыслителя-проповедника», «тип мыслителя-исповедника», «тип исповедника-как-проповедника, или "юродивого"» [6, с. 95]. Широта поставленной в исследовании задачи, к сожалению,

нию, приводит к тому, что пути использования исповеди в литературе практически не рассматриваются М. Уваровым, оставаясь только пунктирно намеченными (отмечаются только ее вершинные точки – «Исповеди» Августина Аврелия и Ж.-Ж. Руссо).

Свидетельством неоднозначного статуса исповеди в литературе являются материалы конференции «Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова», участники которой отразили весь спектр бытующих в науке мнений: от признания исповеди как самостоятельного жанра (К. Исупов) до полного отрицания возможности ее существования в литературной, письменной форме (М. Михайлова).

Отдельные аспекты жанровой природы исповеди в своих работах в российском литературоведении затрагивали А. Бальшев, Н. Кочеткова и др., в отечественном – И. Штейнер, М. Тычино, Г. Куриленко и др., в зарубежной науке – В. Бенет, Ж. Шипли, С. Спендер, Т. Дуди и др.

Анализ научно-критических работ позволяет утверждать, что в отечественном литературоведении нет единого комплексного исследования исповедальной прозы как своеобразного и самостоятельного литературного явления. Актуализация исповеди как общекультурного феномена, богатый фактический материал, накопленный за шестнадцать столетий бытования жанровой модификации в литературе, расцвет документально/мемуарно-(авто)биографической прозы в искусстве слова последних лет свидетельствуют о том, что исследование специфики и основных тенденций развития данной формы организации художественного материала имеет важное значение для национального литературоведения.

Литература

1. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 2000. – 398 с.
2. Блок, А. А. Письма о поэзии / А. А. Блок // Собр. соч. : в 8 т. – М. ; Л. : ГИХЛ, 1962. – Т. 5 : Проза. 1903–1917. – 1962. – С. 277–300.
3. Стральцова, В. М. Шлях да сябе : Сучасная аўтабіяграфічная проза як мастацкая сістэма / В. М. Стральцова. – Мн. : Бел. навука, 2002. – 112 с.
4. Дубин, Б. Как сделано литературное «я» / Б. Дубин // Иностранная литература. – 2000. – № 4. – С. 108–122.
5. Рублевская, Л. Самое главное и все остальное / Л. Рублевская // Неман. – 1998. – № 1. – С. 243–255.
6. Уваров, М. Архитектоника исповедального слова / М. Уваров. – СПб. : «АЛІЕТЕЙЯ», 1998. – 256 с.
7. Бронская, Л. И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья первой половины XX века (И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин) / Л. И. Бронская. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2001. – 120 с.
8. Луначарский, А. Силуэты / А. Луначарский. – М. : Молодая гвардия, 1965. – 544 с.
9. Misch, G. Geschichte der Autobiography / G. Misch. – Bern : Wiedmannsche Buhhandlung, 1950. – Band 1 Abteilung. – 646 s.
10. Бахтин, М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. Бахтин // Работы 1920-х годов / М. Бахтин. – Киев : «Next», , 1994. – С. 69–255.
11. Бахтин, М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) / М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики / М. Бахтин. – М. : Худож. лит, 1975, 1975. – С. 447–483.
12. Бахтин, М. Слово в романе / М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики / М. Бахтин. – М. : Худож. лит, 1975. – С. 72–233.

УДК 821.161.1-31*Пушкин

В. В. Гончаров

Образ Екатерины II в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка»

Объектом рассмотрения в данной статье является образ Екатерины II в искусстве. Проводятся параллели между вариантами этого образа в документальной и художественной литературе, в живописи. Исследование художественного образа Екатерины II производится на концепту-